

---

---

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

---

## ПЕРЕЖИВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ

© 2016 г. В. В. Константинов\*, Ю. С. Бузыкина\*\*

\* Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии Пензенского государственного университета, г. Пенза;

\*\* Аспирант, там же

Раскрывается проблема взаимосвязи переживания личностью экстремистско-террористической угрозы с ее социально-психологическими особенностями. Обнаружена различная степень выраженности определенных социально-психологических характеристик в зависимости от возраста и региона проживания. Установлено, что переживание экстремистско-террористической угрозы обусловлено уровнем развития эмпатии, альтруизма, ожиданием положительного отношения от других, осмысленностью жизни, агрессивностью, переживанием террористической угрозы и подверженностью антидемократической идеологии. На основе эмпирического исследования, в котором приняли участие 260 человек, проведенного в Пензенском и Волгоградских регионах, выделены и описаны типы переживания экстремистско-террористической угрозы: “деструктивный”, “принимающий”, “адаптивный”, “отрицающий” и “дискомфортный”.

*Ключевые слова:* эмпатия, альтруизм, ожидание положительного отношения от других, осмысленность жизни, агрессивность, подверженность антидемократической идеологии, террористическая активность региона, типы переживания экстремистско-террористической угрозы.

На сегодняшний день в современном мире происходят глубокие перемены, затрагивающие все сферы жизни людей. Одной из главных характеристик этих перемен является нарастание частоты и масштабов экстремистских проявлений, в силу чего проблема переживания человеком экстремистско-террористической угрозы становится более актуальной. Интенсивный рост экстремистских и террористических действий создает реальную угрозу общественной безопасности, а на личностном уровне представляет собой сильнейшее травматическое воздействие, при котором субъективное появление объекта-угрозы воспринимается как неотвратимое событие, с которым невозможно справиться при помощи собственных ресурсов.

Поэтому актуальность проблемы исследования определяется потребностью современного общества в практическом изучении данной предметной области и отсутствием для этого разработанной теоретической и методической базы.

Следует отметить, что в настоящее время достаточно активно изучается проблема воздействия экстремальных и стрессовых ситуаций на

людей, а также понимание и переживание ими такого рода проблем. Переживание экстремистско-террористической угрозы представляет собой сложное образование.

Разработкой проблемы психологии переживания занимались Ф.В. Бассин, Ф.Е. Василюк [6] и др. Проблема социального самочувствия населения рассматривается рядом авторов в контексте субъективного благополучия личности (А.В. Юревич, Г.В. Осипов, Г.М. Зараковский и др.) и ее удовлетворенности жизнью (Е.В. Балацкий, А.А. Русалинова, Р.М. Шамионов [26, 27] и др.)

Современные результаты исследований переживания террористической угрозы, а также мотивации совершения террористических актов и их психологических последствий в виде посттравматических стрессовых нарушений отражены в работах Н.В. Тарабриной, Ю.В. Быховец, В.А. Сошникова, С.Н. Ениколопова, А.А. Мкртычяна, Н.Н. Казымовой, Д.В. Ольшанского, L.E. Delisi, C. McCauley [5, 7, 15, 16, 19, 20, 22, 29, 32] и др.; исследованием понимания террористической угрозы занимаются В.В. Знаков, Е.М. Турок,

Е.Б. Батуева, Ю.В. Быховец [1, 5, 9, 10, 11, 23] и др.

Однако следует заметить, что в данных исследованиях акценты смещены именно на террористическую угрозу. Но основная проблема, на наш взгляд, не вскрывается.

В современном обществе есть большое предметное поле под названием “экстремизм”, имеющий различные формы и проявления. Различные аспекты возникновения и распространения экстремизма, а также отношения к нему рассматриваются в работах А.А. Козлова, Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова, В.Н. Томалинцева, Д.В. Ольшанского, О.Е. Хухлаева [12, 24, 25] и др. Терроризм в данном случае выступает как наиболее опасное и крайнее выражение экстремизма.

Экстремистское поведение в индивидуально-психологическом аспекте рассматривается как некий личностный феномен и исследуется в русле жизненных целей, идеалов, установок, отношений личности, а также ее индивидуальных состояний и свойств, таких как самочувствие, настроение, активность, самооценка, самоконтроль [25, с. 97].

А.В. Юревич подчеркивает, что по данным экспертного опроса (2011 г.) Института психологии РАН, направленного на выявление динамики психологического состояния российского общества, наблюдается выраженный рост конфликтности, алчности, агрессивности, ксенофобии, насилия, наглости, эгоизма и др. [27, с. 25].

В.А. Соснин обращает внимание на рост миграционных потоков населения, создающих условия для возникновения межэтнических конфликтов, что является благоприятной почвой роста экстремизма и террористических тенденций внутри страны [19, с. 228].

С психологической точки зрения экстремизм и терроризм характеризуются сильным психотравмирующим воздействием на людей, что может приводить к состояниям психической дезадаптации. Воздействия различаются между собой по степени внезапности, масштабности, могут служить источником как объективно, так и субъективно обусловленного стресса (личностных психологических особенностей людей, а также из-за недостаточной опытности, психологической неподготовленности). Определяющую роль в переживании травматической ситуации играет личностная, а также эмоциональная включенность в нее. Ведущими переживаниями здесь являются страх, тревога, депрессия, гнев, ощущения бессилия и беспомощности [4; 26–31].

В настоящее время существенно меняются угрозы и вызовы реальности, которые уже не такие, как были, например, в 90-х гг. Немаловажную роль в этом процессе сыграло появление интернета. Все это способствует процессу модернизации феномена экстремизма и терроризма во всем мире, во многих преступлениях экстремистского толка можно проследить признаки терроризма.

Обобщая вышесказанное, на наш взгляд, целесообразно рассмотрение феноменов экстремизма и терроризма в едином предметном поле, в связи с чем оправдано введение нового конструкта “переживание экстремистско-террористической угрозы”, которое дает возможность нового видения данной проблемы.

К настоящему времени проведены исследования, в которых переживание личностью террористической угрозы определяется как субъективная оценка риска стать жертвой теракта [5, с. 30–32; 10].

Под “переживанием экстремистско-террористической угрозы” мы понимаем субъективно значимую оценку угрозы применения различных форм насилия, формируемую после совершенных экстремистских и террористических действий в результате возникновения эмоционально-когнитивных структур, содержащих представления об экстремистских действиях и терроризме, отражающую особенности переживаний личности, которые проявляются в поведении человека. В представленном нами определении подчеркиваются структурные компоненты переживания экстремистско-террористической угрозы – представления, эмоциональные переживания, поведение.

В результате исследования, проведенного Е.Б. Батуевой [1], было выявлено, что большинство респондентов, принявших участие в исследовании, определяют “террористов” как убийц и бандитов, либо как религиозных фанатиков. Однако около 30% считают их революционерами и борцами за независимость своего народа. Кроме того, положительное отношение к терроризму связано с отвержением личностью таких ценностей, как любовь, общественное признание, непримиримость к недостаткам в себе и других людях.

В исследованиях Е.М. Турок [23], В.В. Знакова [10; 11, с. 117] подчеркивается стереотипность понимания террористической угрозы. Наиболее распространенными являются представления о террористах как необразованных, психически неуравновешенных агрессивных фанатиках, для ко-

торых чужая жизнь ничего не стоит, а также подчеркиваются мотивы материальной выгоды.

Кроме того, Е.М. Турок установлено, что характер понимания и переживания террористической угрозы людьми, проживающими там, где не было терактов, связан с их личностными характеристиками – уровнем макиавеллизма, личностной тревожностью, способностью контролировать ситуацию [23].

В.В. Знаков подчеркивает роль непосредственного жизненного опыта личности в переживании ею террористической угрозы. Структурными компонентами этого опыта становятся убеждения, отношения, направленность и избирательность, а также моральные представления. Все это способствует формированию установок в понимании террористической угрозы и, как следствие, появлению субъективного чувства возможности стать жертвой теракта [8, с. 77; 11, с. 116].

В результате исследования психологического благополучия людей с различной интенсивностью переживания террористической угрозы, проведенного Н.В. Тарабриной, Ю.В. Быховец, Н.Н. Казымовой [22], было выявлено, что чем выше переживание личностью террористической угрозы, тем ниже оценка собственного психологического благополучия, независимо от возраста.

Проблема проведенного нами исследования определяется противоречием между достаточно тщательной изученностью социально-экономической и политической природы терроризма и экстремизма и недостатком социально-психологических исследований данной предметной области, что приводит к малой эффективности предупредительных мер, а также противоречием между потребностью современного общества в практическом изучении роли социально-психологических характеристик в переживании личностью экстремистско-террористической угрозы и отсутствием для этого разработанной теоретической и методической базы. Разрешение противоречий может способствовать разработке механизмов преодоления посттравматического стресса у людей, переживающих экстремистско-террористическую угрозу.

*Целью исследования* выступило изучение взаимосвязи переживания экстремистско-террористической угрозы и социально-психологических характеристик личности с учетом региональной специфики (террористической активности региона).

*Объект исследования:* жители Волгограда и Пензы от 20 до 45 лет.

*Предмет исследования:* региональная специфика переживания экстремистско-террористической угрозы у субъектов с разными социально-психологическими характеристиками.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие *задачи*:

1. Описать социально-психологические характеристики личности в регионах с разной террористической активностью.
2. Представить специфику переживания личностью экстремистско-террористической угрозы в разных регионах.
3. Представить социально-психологическую характеристику типов переживания экстремистско-террористической угрозы.

В соответствии с целью и задачами исследования была выдвинута *основная гипотеза*: взаимосвязи переживания экстремистско-террористической угрозы и социально-психологических характеристик личности имеют региональную специфику, обусловленную степенью удаленности региона проживания от критической ситуации, связанной с терактами, а также *частные гипотезы*:

1) в зависимости от региона проживания проявляется различная специфика в переживании экстремистско-террористической угрозы;

2) переживание экстремистско-террористической угрозы связано со степенью выраженности определенных социально-психологических характеристик личности (уровень агрессивности, подверженность антидемократической идеологии, осмысленность жизни, эмпатия, альтруизм).

Практическая значимость исследования заключается в том, что описанная типология может способствовать повышению теоретического уровня подготовки психологов в работе с населением по снижению посттравматического стресса и интенсивности переживания экстремистско-террористической угрозы.

## МЕТОДИКА

Выборку исследования составили 260 человек, проживающих в г. Пензе и г. Волгограде (табл. 1). Из них 130 студентов вузов Волгограда и Пензы (Волгоградский государственный медицинский университет, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства), 130 человек средней возрастной категории. Данная выборка репрезентативна в отношении основных соци-

Таблица 1. Выборка исследования

| Выборка                        | Общее кол-во (N) | Мужчины (N) | Женщины (N) | Медиана по возрасту | Размах по возрасту |
|--------------------------------|------------------|-------------|-------------|---------------------|--------------------|
| Молодежь<br>г. Пенза           | 65               | 30          | 35          | 21                  | 21.09              |
| Молодежь<br>г. Волгоград       | 65               | 34          | 31          | 21                  | 21.04              |
| Зрелый возраст<br>г. Пенза     | 65               | 33          | 32          | 44                  | 44.01              |
| Зрелый возраст<br>г. Волгоград | 65               | 32          | 33          | 44                  | 44.11              |

Таблица 2. Различия между жителями Волгограда и Пензы, отдельно для двух возрастных групп (критерий Манна–Уитни). Указаны только те переменные, по которым есть значимые различия

| Параметры                                        | Молодежь     |              | Значение по критерию $U$ – Манна–Уитни | Зрелый возраст        |              | Значение по критерию $U$ – Манна–Уитни |
|--------------------------------------------------|--------------|--------------|----------------------------------------|-----------------------|--------------|----------------------------------------|
|                                                  | г. Волгоград | г. Пенза     |                                        | г. Волгоград          | г. Пенза     |                                        |
|                                                  | Средний ранг | Средний ранг |                                        | Средний ранг          | Средний ранг |                                        |
| Индекс агрессивности                             | 56.23        | 74.77        | $U = 2.715$ ;<br>$p = 0.005$           | Значимых различий нет |              | –                                      |
| Вербал. агрессия                                 | 55.64        | 75.36        | $U = 2.753$ ;<br>$p = 0.003$           | Значимых различий нет |              | –                                      |
| Негативизм                                       | 52.65        | 78.35        | $U = 2.948$ ;<br>$p = 0.001$           | Значимых различий нет |              | –                                      |
| Цели в жизни                                     | 72.70        | 58.30        | $U = 1.644$ ;<br>$p = 0.029$           | Значимых различий нет |              | –                                      |
| Результат жизни                                  | 72.78        | 58.22        | $U = 1.639$ ;<br>$p = 0.027$           | Значимых различий нет |              | –                                      |
| Локус контроля – Я                               | 73.18        | 57.82        | $U = 1.613$ ;<br>$p = 0.020$           | Значимых различий нет |              | –                                      |
| Осмысленность жизни                              | 75.05        | 55.95        | $U = 1.491$ ;<br>$p = 0.004$           | Значимых различий нет |              | –                                      |
| Степень подвержен. Антидемократической идеологии | 57.96        | 73.04        | $U = 2.602$ ;<br>$p = 0.022$           | 58.54                 | 72.46        | $U = 2.565$ ;<br>$p = 0.035$           |
| Эмпатия                                          | 76.51        | 54.49        | $U = 1.397$ ;<br>$p = 0.001$           | 72.79                 | 58.21        | $U = 1.638$ ;<br>$p = 0.027$           |
| Ожидание положител. отношения от других          | 79.12        | 51.88        | $U = 1.227$ ;<br>$p = 0.001$           | Значимых различий нет |              | –                                      |
| Альтруизм                                        | 78.48        | 52.52        | $U = 1.268$ ;<br>$p = 0.001$           | 71.85                 | 59.15        | $U = 1.700$ ;<br>$p = 0.043$           |
| Эгоизм                                           | 48.56        | 82.44        | $U = 3.213$ ;<br>$p = 0.001$           | 53.83                 | 77.17        | $U = 2.871$ ;<br>$p = 0.001$           |
| Устойчивость                                     | 57.21        | 73.79        | $U = 2.651$ ;<br>$p = 0.011$           | 56.36                 | 74.64        | $U = 2.706$ ;<br>$p = 0.005$           |
| Антиципация                                      | 75.12        | 55.88        | $U = 1.487$ ;<br>$p = 0.003$           | 76.62                 | 54.38        | $U = 1.389$ ;<br>$p = 0.001$           |



ально-демографических показателей генеральной совокупности.

Эмпирическое исследование проводилось в период с февраля по октябрь 2014 г.

По нашему мнению, особенности переживания личностью экстремистско-террористической угрозы проявляются в специфике различий по степени выраженности эмпатии, альтруизма, доверия к людям, а также осмысленностью жизни, агрессивностью, переживанием террористической угрозы и подверженностью личности антидемократической идеологии в зависимости от возраста и региона проживания. В связи с этим в ходе эмпирического исследования нами были применены следующие методики:

1. Для диагностики уровня агрессивности личности была использована “Методика диагностики показателей и форм агрессии” А. Басса и А. Дарки (адаптация А.К. Осницкого) [18], с помощью которой можно выявить преобладающие у личности показатели и формы агрессии, а также суммарные показатели индекса агрессивности и враждебности;

2. Для определения осмысленности жизни, а также ее параметров, применялся “Тест смысловых ориентаций” Д.А. Леонтьева [13];

3. Для оценки степени переживания террористической угрозы, состоящей из отдельных факторов (признаки посттравматического стресса, устойчивость, антиципация), был использован “Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ–21)” (Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабрина, Н.Н. Бакусева) [5, с. 80–82];

4. Выявление параметров авторитарной личности, а также степени подверженности антидемократической идеологии осуществлялось с помощью “Шкалы фашизма” (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунстик, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд) (адаптация Г.У. Солдатовой) [17, с. 114];

5. Анкета, состоящая из двух блоков, применялась для конкретизации переживания экстремистско-террористической угрозы, выявления степени информированности о терроризме и экстремизме (авторы Ю.С. Бузыкина, В.В. Константинов); а также для сбора информации о личностных характеристиках респондентов (блок 2) применялись следующие методики:

6. Опросник “Шкала эмоционального отклика” А. Меграбяна и Н. Эпштейна для исследования эмпатических тенденций личности [14];

7. Опросник самоотношения личности (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев) для выявления

ожидаемого отношения от других, уровня самоприятия и самообвинения [21];

8. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина) для выявления степени выраженности социально-психологических установок личности на эгоизм–альтруизм [18, с. 641–648].

Для упрощения процедуры проведения исследования данные методики были объединены в отдельный блок анкеты (блок 2).

В процессе исследования были использованы следующие методы статистической обработки данных (статистический пакет *IBM SPSS Statistics 19*): корреляционный анализ по  $r_s$  Спирмену, критерий Манна–Уитни, множественный регрессионный анализ, кластерный анализ.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

**Социально-психологические характеристики личности в регионах с разной террористической активностью.** В результате сравнения двух групп респондентов, проживающих в г. Волгограде и г. Пензе, было установлено, что существуют значимые различия по степени выраженности социально-психологических характеристик в зависимости от возраста и региона проживания (см. табл. 2).

В подгруппе “Молодежь” были выявлены специфические региональные различия, которых нет в подгруппе “Зрелый возраст”. Так, у молодежи Пензы в большей степени, чем у молодежи Волгограда выражены негативизм, агрессивность (преимущественно выражается в вербальной форме), подверженность антидемократической идеологии и эгоизм. В свою очередь, у молодежи Волгограда выше осмысленность жизни, в частности в постановке целей на будущее, в удовлетворенности самореализацией и уверенности в том, что все события жизни являются результатом собственных действий. Кроме того, у них больше развита эмпатия, альтруизм, ожидание положительного отношения от других, выше антиципация и ниже устойчивость к информации об экстремистско-террористической угрозе.

В подгруппе “Зрелый возраст” различия выявлены только по параметрам “Степень подверженности антидемократической идеологии”, “Устойчивость”, “Антиципация”. У людей зрелого возраста, проживающих в Волгограде, по сравнению с Пензой выше антиципация, но при этом ниже устойчивость к воздействию инфор-

**Таблица 3.** Результаты сравнения респондентов по возрасту (критерий Манна–Уитни). Приведены только те переменные, по которым есть значимые различия

| Параметры                                               | Возраст               |                           | Значение по критерию<br>$U$ – Манна–Уитни |
|---------------------------------------------------------|-----------------------|---------------------------|-------------------------------------------|
|                                                         | Молодежь<br>$N = 130$ | Зрелый возр.<br>$N = 130$ |                                           |
|                                                         | Средний ранг          | Средний ранг              |                                           |
| Индекс агрессивности                                    | 150.83                | 110.17                    | $U = 5.806; p = 0.001$                    |
| Негативизм                                              | 141.35                | 119.65                    | $U = 7.040; p = 0.017$                    |
| Подозрительность                                        | 143.89                | 117.11                    | $U = 6.709; p = 0.003$                    |
| Обида                                                   | 140.06                | 120.94                    | $U = 7.207; p = 0.037$                    |
| Цели в жизни                                            | 106.85                | 154.15                    | $U = 11.524; p = 0.001$                   |
| Процесс жизни                                           | 117.44                | 143.56                    | $U = 10.147; p = 0.005$                   |
| Результат жизни                                         | 108.05                | 152.95                    | $U = 11.368; p = 0.001$                   |
| Локус контроля – Я                                      | 115.18                | 145.82                    | $U = 10.441; p = 0.001$                   |
| Локус контроля – жизнь                                  | 116.60                | 144.40                    | $U = 10.257; p = 0.003$                   |
| Осмысленность жизни                                     | 107.19                | 153.81                    | $U = 11.480; p = 0.001$                   |
| Степень подверженности<br>антидемократической идеологии | 153.54                | 107.46                    | $U = 5.455; p = 0.001$                    |
| Эмпатия                                                 | 119.64                | 141.36                    | $U = 9.861; p = 0.020$                    |
| Самопринятие                                            | 116.97                | 144.03                    | $U = 10.208; p = 0.003$                   |
| Ожидание положительного<br>отношения от других          | 110.17                | 150.83                    | $U = 11.093; p = 0.001$                   |
| Альтруизм                                               | 110.65                | 150.35                    | $U = 11.031; p = 0.001$                   |

мации из СМИ о терактах и в меньшей степени выражена подверженность антидемократической идеологии, а также выше показатели по эмпатии и альтруизму.

Можно предположить, что такие результаты являются следствием некоторой специфики сравниваемых регионов – в Пензе недостаточно развиты межкультурные коммуникации между жителями города и приезжими из других стран (в частности иностранными студентами). В Волгограде период существования кросскультурного диалога более продолжителен, чем в Пензе. Как отмечает Е.О. Беликова, Волгоградская область традиционно характеризуется этническим и религиозным многообразием [2, с. 99]. Историческое и географическое положение области, ее потенциальные экономические возможности, большая территория создают особые условия для распространения миграционных потоков.

Кроме того, следует обратить внимание на комплексный показатель качества жизни региона, где центральное место занимают потребности человека и возможность их удовлетворения. У молодежи по сравнению со зрелым возрастом выше показатель негативизма ( $U = 7.040; p = 0.017$ ), агрессивности ( $U = 5.806; p = 0.001$ ), подверженности антидемократической идеологии (преиму-

щественно у молодежи –  $U = 5.455; p = 0.001$ ) (см. табл. 3). Все это выражается в перенесении ответственности за собственные неудачи и трудности на других людей, руководство, а также в потребности разрядки своих агрессивных импульсов.

В результате корреляционного анализа полученных данных было установлено, что в целом по выборке существует положительная корреляционная связь ( $p \leq 0.01$ ) между переживанием террористической угрозы и эмпатией ( $r_s = 0.479$ ), а также альтруизмом ( $r_s = 0.245$ ); отрицательная корреляционная связь – с агрессивностью ( $r_s = -0.378$ ). Эмпатия положительно коррелирует ( $p \leq 0.01$ ) с альтруизмом ( $r_s = 0.667$ ), самопринятием ( $r_s = 0.421$ ) и ожиданием положительного отношения от других ( $r_s = 0.592$ ); отрицательно ( $p \leq 0.01$ ) – с агрессивностью ( $r_s = -0.695$ ).

Данные связи свидетельствуют о том, что чем больше человек способен к пониманию эмоционального состояния другого, тем ниже его агрессивность. При этом он считает благополучие других более важным, чем собственные интересы, поэтому желание помогать выступает как способ самореализации личности. Исходя из полученных результатов, можно сказать, что такой человек ожидает хорошего отношения к себе и от

других. В свою очередь, понимание других означает, что человек прислушивается к себе, понимает мотивы собственных поступков и потребностей. Исходя из этого, можно заключить, что чем выше у личности уровень эмпатии и альтруизма, тем сильнее ее переживание террористической угрозы. Что касается агрессивности [3], которую в данном случае следует рассматривать как механизм психологической защиты, то чем выше ее уровень, тем ниже переживание террористической угрозы.

Кроме того, чем больше человек себя в чем-то обвиняет, убеждает в том, что поступает злобно или бессовестно, тем больше он неудовлетворен своей жизнью в целом. Если же человек открыт для окружающих, готов помочь даже за счет собственных интересов, тем больше его жизнь наполнена смыслом.

Таким образом, полученные связи свидетельствуют о том, что чем выше уровень агрессивности, тем ниже переживание террористической угрозы и осмысленность жизни, а также выше подверженность антидемократической идеологии. Кроме того, чем выше агрессивность, тем ниже эмпатия, самопринятие и ожидание положительного отношения от других, а также выше эгоизм.

**Специфика переживания личностью экстремистско-террористической угрозы в разных регионах.** На основе анкетного опроса было выявлено, что в целом по выборке большинство опрошенных представляют феномен “терроризма”, делая акцент на устрашении и запугивании общества через насильственные действия (40.5% по выборке), совершаемые фанатиками (33.4% по выборке), а также подчеркивают национальные и религиозные основания терроризма. О достаточной информированности населения о сути феномена терроризма также говорят и яркие воспоминания терактов (захват заложников в школе г. Беслан (70%) и из числа зрителей мюзикла “Норд-Ост” (65.4%); теракты в г. Волгограде (взрывы на вокзале и в троллейбусе – 63.5%); взрывы в аэропорту “Домодедово” (59.5%) и в московском метро (61.2%); теракт в Америке (“башни-близнецы”) – атака Всемирного торгового центра (53%); взрывы в жилых домах на Каширском шоссе в Москве, теракты в г. Пятигорск, взрыв “Невского экспресса”), а также названные мотивы (“устрашение, запугивание” – 27.7%, идейные мотивы, под которыми понимаются воплощение религиозных идей, а также фанатизм (26.9%), материальные мотивы – 23.1%, самореализация – 18.1%), эмоции и ассоциации, в которых подчеркиваются и конкретные

действия террористов (“взрыв” (23.5%), “захват заложников” (8.5%), “жертвы” (3.2%), “массовое уничтожение людей” (3%), “смерть” (2.3%)) и собственные негативные эмоции – страх (29.6%), отчаяние (23.8%), беспомощность (21.6%).

Мы предполагаем, что эмоции “раздражения” и “гнева”, которые испытывают 25% опрошенных, связаны с механизмом психологической защиты от террористической угрозы и “нежеланием пропускать” через себя сильные негативные переживания.

Также результаты анкеты показали, что информированность о феномене “экстремизма” ниже, чем о терроризме, хотя для региона, где не было терактов, террористическая угроза носит абстрактный характер. Преимущественно респонденты (40.5%) под “экстремизмом” понимают склонность личности (группы) к крайним взглядам и идеям, которые воплощаются в реальных действиях. Еще 34.5% опрошенных по выборке дают определение “экстремизма”, как социального явления, акцентируя внимание на пренебрежении личности или группы к нормам поведения общества, а также о готовности к использованию крайних насильственных мер для удовлетворения своих (национальных или религиозных) интересов и потребностей.

В свою очередь, когда мы говорим об экстремизме, то с ним сталкивались почти все обыватели (изображения фашистской свастики, акты вандализма, призывы к национальному превосходству со стороны скинхедов и др.) Здесь возникает противоречие – понятийной представленности об экстремизме меньше, но личного опыта встречи с ним больше.

На наш взгляд, это связано с тем, что существенную роль в информированности о терроризме играют СМИ, которые достаточно ярко и длительно преподносят информацию о терактах, тем самым воздействуя на психику людей, которые не были непосредственными свидетелями произошедшего. Образы, преподносимые СМИ, способны к “маскированию” под реальный опыт. Тем самым происходит интериоризация информации о террористической угрозе, что способствует возникновению посттравматического стресса. Как возможное следствие этого – ожидание негативных последствий терактов, которые человек не может предупредить своими силами. Кроме того, психологическим последствием может стать избегающее поведение (напр., боязнь пользоваться самолетами или метро). Об экстремизме, как явлении, в СМИ говорится существенно меньше,

тем самым не так сильно подчеркиваются и его проявления.

В целом для опрошенных характерно спокойное отношение к людям другой национальности (51.9%) и возможность скрывать свои чувства в отношении тех, кто им не нравится (29.6%). В свою очередь, среди главных причин национальной неприязни в основном называют низкий уровень культуры общества в целом (27.3%), неуважение к традициям других национальностей (25.4%), стереотипы в их отношении (24.6%), а также высокий уровень криминализации некоторых национальностей (16.9%).

Следует обратить внимание на то, что существует качественная специфика переживания экстремистско-террористической угрозы в региональных группах. Так, в Пензе преобладают те, кто находился от места совершения терактов далеко и не был свидетелем его совершения (69.2%). В Волгограде преобладает процент респондентов, которые были достаточно близко от места совершения терактов, но сами теракты не видели (54.6%). Кроме того, в Волгограде около 30% респондентов говорят о том, что сами были свидетелями последствий терактов.

Что касается ассоциаций, связанных с “терроризмом”, в Пензе большинство респондентов называют события, непосредственно связанные с терактами, т.е. для них терроризм преимущественно ассоциируется с конкретными действиями: “взрыв” (41.5%), “захват заложников” (16.9%), “жертвы, массовое уничтожение людей” (15.4%), а у представителей Волгограда преобладают ассоциации на уровне эмоций, такие как “страх” (53.8%), “страдания” (23.8%), “горе” (15.4%).

Среди жителей Волгограда наиболее распространенными ответами, связанными с мотивами совершения терактов, являются: идейные мотивы (воплощение религиозных идей, фанатизм) (40.8%), а также мотив утрашения (30.8%). Большинство жителей Пензы называют материальные мотивы (29.2%) и самореализацию (26.2%), а также утрашение (24.6%).

Большинство жителей Волгограда (34.6%) и Пензы (30.85%) считают, что отношение к другому человеку не зависит от его национальности, либо, по мнению людей, проживающих в Волгограде, все зависит от самого человека (35.4%), а по мнению жителей Пензы – от конкретной ситуации (23.8%).

Среди жителей Волгограда преобладает мнение, что основными причинами национальной неприязни выступают стереотипы в отношении

других национальностей (31.5%), среди жителей Пензы – пренебрежение к культуре и традициям других национальностей (33.1%). Однако, низкий уровень культуры также рассматривается ими в качестве главной причины национальной неприязни.

Что касается возможности использования любых средств для достижения целей и отстаивания интересов своего народа даже за счет собственных интересов, то в Волгограде преобладающая часть опрошенных считает это недопустимым (40%), в то время как в Пензе “до некоторой степени” допускают такую возможность (31.5%).

Кроме того, 48.8% опрошенных считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий (преобладает у людей зрелого возраста г. Волгоград (56.9%) и г. Пенза (66.2%)), а также у молодежи Волгограда – 52.3%), везением и удачей объясняют события своей жизни 35.4% (данное мнение преобладает у молодежи Пензы – 70.8%), остальные 15.8% связывают их с результатом действий других людей.

По опроснику переживания террористической угрозы (ОПТУ-21) было выявлено, что женщины (средний ранг 152.29) в большей степени, чем мужчины (средний ранг 108.37) переживают угрозу терроризма ( $U = 11.304$ ;  $p = 0.001$ ). При этом не было выявлено различий между региональными группами по общему показателю переживания террористической угрозы (при этом по выборке преобладает высокий уровень переживания террористической угрозы). Однако, существуют значимые различия по устойчивости и антиципации. Так, независимо от возраста, у жителей Волгограда ниже уровень устойчивости к воздействию информации о террористических актах ( $U = 10.740$ ;  $p = 0.001$ ) и выше антиципация (мысли о предстоящей террористической угрозе) ( $U = 5.788$ ;  $p = 0.001$ ). На наш взгляд, данные результаты связаны с тем, что люди, проживающие в Волгограде (регионе с достаточно высоким уровнем террористической активности), непосредственно сталкиваясь в своей жизни с терактами, приобрели травматический опыт, способствующий накоплению у них прямых и косвенных последствий негативных переживаний (через механизм антиципации), которые и определяют их социальное самочувствие.

В силу того, что в г. Волгограде не так давно (в конце 2013 г.) были совершены теракты, у людей, получивших опыт пребывания в травматической ситуации, переживания закрепились, прежде всего, на эмоциональном уровне. Жители Пензы

получают информацию о террористической угрозе преимущественно из СМИ, где видят непосредственные события, связанные с терроризмом. Этим можно объяснить различия в ассоциациях в зависимости от региона проживания.

Таким образом, полученные результаты позволяют подтвердить гипотезу о том, что в зависимости от региона проживания наблюдается специфика в переживании экстремистско-террористической угрозы.

**Социально-психологическая характеристика типов переживания экстремистско-террористической угрозы.** По результатам множественного регрессионного анализа (критерий шагового метода), было выявлено, что основными предикторами переживания террористической угрозы являются: “эмпатия”, “ожидание положительного отношения от других”, “агрессивность” и “альтруизм”. Полученная модель объясняет 46.9% дисперсии переживания террористической угрозы ( $F = 56.224$ ;  $p = 0.001$ ). При этом фактор “эмпатия” объясняет наибольшую часть дисперсии (21.2%).

Переменные “эмпатия” ( $\beta = 0.655$ ) и “альтруизм” ( $\beta = 0.246$ ) положительно взаимосвязаны с переживанием террористической угрозы, в то время как связь переменных “ожидание положительного отношения от других” ( $\beta = -0.793$ ) и “агрессивность” ( $\beta = -0.209$ ) с переживанием террористической угрозы носит отрицательный характер.

Таким образом, чем больше у человека развиты эмпатия и альтруизм и при этом, чем меньше его доверие к людям (ожидание положительного отношения от них) и ниже уровень агрессивности, тем выше его переживание террористической угрозы.

Предикторами подверженности личности антидемократической идеологии являются социально-психологические (агрессивность, враждебность, осмысленность жизни) и социально-демографические характеристики – пол, возраст, регион проживания. Полученная модель объясняет 78.2% дисперсии подверженности антидемократической идеологии.

Переменные “агрессивность” ( $\beta = 0.408$ ) и “враждебность” ( $\beta = 0.084$ ) положительно взаимосвязаны с подверженностью антидемократической идеологии, а переменная “осмысленность жизни” ( $\beta = -0.071$ ) – отрицательно.

Таким образом, чем больше человек испытывает негативные чувства и придерживается негативных оценок людей и событий в сочетании с

высоким уровнем агрессивности и низкой осмысленностью жизни, тем выше его подверженность антидемократической идеологии. Кроме того, существенную роль в этом играет пол, возраст и проживание. Так, подверженность антидемократической идеологии выше у молодежи мужского пола, проживающей в городах с невысоким жизненным уровнем.

Двухэтапный кластерный анализ позволил проверить выдвинутую гипотезу, согласно которой переживание экстремистско-террористической угрозы определяется степенью выраженности определенных социально-психологических характеристик личности (уровень агрессивности, подверженность антидемократической идеологии, осмысленность жизни, эмпатия, альтруизм).

В качестве факторов для проведения кластерного анализа были выбраны следующие социально-психологические характеристики: эмпатия, ожидание положительного отношения к себе, осмысленность жизни, агрессивность, подверженность антидемократической идеологии, переживание террористической угрозы и альтруизм. По нашему мнению, данные показатели наиболее полно отражают переживание личностью экстремистско-террористической угрозы, т.к. в комплексе оказывают влияние на его интенсивность (по результатам множественного регрессионного анализа).

В результате проведенного двухэтапного кластерного анализа были выделены 5 кластеров (типов) – табл. 4. Так, третий кластер является наибольшим (38.8% – 101 человек), а первый – наименьшим кластером и включает 9.6% (25 человек). В полученной модели оценивалась важность каждого параметра, и было установлено, что наиболее важными параметрами для выделения типов переживания экстремистско-террористической угрозы являются: эмпатия (важность равна 1), ожидание положительного отношения от других (важность 0.95), осмысленность жизни (важность 0.8), альтруизм (важность 0.76), агрессивность (важность 0.75), а также уровень переживания террористической угрозы (важность 0.71) и степень подверженности антидемократической идеологии (важность 0.5).

Кроме того, была выявлена различная степень выраженности определенного типа в зависимости от региона проживания ( $\chi^2 = 48.604$ , при  $p = 0.001$ ). Так, для жителей Волгограда наиболее характерны “Адаптивный” и “Дискомфортный” типы, а для Пензы – “Принимающий” и “Деструктивный” типы. “Отрицающий” тип является общим для жителей Пензы и Волгограда.

Таблица 4. Типы переживания личностью экстремистско-террористической угрозы

| Кластер<br>(тип)                           | 1                                                    | 2                                                             | 3                                                    | 4                                                                      | 5                                                   |
|--------------------------------------------|------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------|
|                                            | Деструктивный                                        | Принимающий                                                   | Адаптивный                                           | Отрицающий                                                             | Дискомфортный                                       |
| <b>Преобладающие соц.-демограф. хар-ки</b> | Пенза<br>(молодежь муж.<br>пол)                      | Пенза<br>(зрел. возр. (муж.<br>пол) и молодежь<br>(жен. пол)) | Волгоград (зрел.<br>возр. и молодежь<br>муж. пол)    | Пенза и<br>Волгоград<br>(зрел. возр. и<br>молодежь муж. и<br>жен. пол) | Волгоград<br>(зрел. возр. и мо-<br>лодежь жен. пол) |
| <b>Размер</b>                              | 9.6% (25 чел.)                                       | 30.8% (80 чел.)                                               | 38.8% (101 чел.)                                     | 10.4% (27 чел.)                                                        | 10.4% (27 чел.)                                     |
| <b>Показатели</b>                          | Эмпатия<br>11.12                                     | Эмпатия<br>22.80                                              | Эмпатия<br>34.78                                     | Эмпатия<br>14.93                                                       | Эмпатия<br>36.56                                    |
|                                            | Ожидание<br>положител.<br>отношения<br>15.24         | Ожидание<br>положител.<br>отношения<br>18.56                  | Ожидание<br>положител.<br>отношения<br>23.01         | Ожидание<br>положител.<br>отношения<br>21.85                           | Ожидание<br>положител.<br>отношения<br>21.85        |
|                                            | Осмысленность<br>жизни<br>81.84                      | Осмысленность<br>жизни<br>91.70                               | Осмысленность<br>жизни<br>111.50                     | Осмысленность<br>жизни<br>89.37                                        | Осмысленность<br>жизни<br>76.70                     |
|                                            | Альтруизм<br>0.64                                    | Альтруизм<br>1.42                                             | Альтруизм<br>2.86                                    | Альтруизм<br>2.30                                                      | Альтруизм<br>3.59                                   |
|                                            | Агрессивность<br>74.28                               | Агрессивность<br>58.84                                        | Агрессивность<br>51.75                               | Агрессивность<br>64.19                                                 | Агрессивность<br>36.02                              |
|                                            | Переживание<br>террор. угрозы<br>55.40               | Переживание<br>террор. угрозы<br>55.26                        | Переживание<br>террор. угрозы<br>55.92               | Переживание<br>террор. угрозы<br>36.30                                 | Переживание<br>террор. угрозы<br>64.59              |
|                                            | Подвержен.<br>антидемократич.<br>идеологии<br>153.72 | Подвержен.<br>антидемократич.<br>идеологии<br>128.56          | Подвержен.<br>антидемократич.<br>идеологии<br>117.90 | Подвержен.<br>антидемократич.<br>идеологии<br>128.89                   | Подвержен.<br>антидемократич.<br>идеологии<br>99.56 |

Так, «деструктивный» тип переживания экстремистско-террористической угрозы характеризуется наличием у представителей данного типа (молодежь мужского пола) низкого уровня эмпатии, альтруизма и недоверия к окружающим. Жизнь воспринимается ими как однообразная и не вызывающая эмоционально отклика реальность. В целом, они не удовлетворены самореализацией и не строят четких планов на будущее. Характеризуются высокой агрессивностью и подверженностью антидемократической идеологии. Молодые люди, вошедшие в данный тип, агрессивно настроены в отношении других людей, нечувствительны к их переживаниям, и при этом не ждут положительного отношения к себе. При этом наблюдается достаточно низкая устойчивость к воздействию информации о терактах и средний уровень выраженности мыслей о возможности их повторения. В представлении о мотивах совершения терактов основным выступает «материальный» мотив. При этом сам феномен «терроризма» ассоциируется у них с «жертвами и

массовым уничтожением людей», а информация о терактах и встреча с представителями других национальностей (отличных от их собственной) вызывает чувство «раздражения» с их стороны. В силу данного обстоятельства они допускают возможность использования любых средств для достижения целей и отстаивания интересов своего народа даже за счет своих собственных интересов. Большинство важных событий своей жизни молодые люди связывают с везением и удачами.

«Принимающий» тип переживания (преобладает молодежь женского пола и зрелый возраст мужского пола) характеризуется средним уровнем эмпатии, агрессивности, подверженности антидемократической идеологии и переживания террористической угрозы (достаточно высокая устойчивость к информации о терактах и отсутствие мыслей о их повторении). Также у представителей данного типа наблюдается относительно низкий уровень альтруизма и доверия к окружающим, но при этом более высокий уровень осмысленности жизни по сравнению с другими типами. Так, они предпочитают жить настоящим и

будущим, не оглядываясь на негативные события прошлого. Основными мотивами терроризма они считают “самореализацию” личности террориста, а также “ужасение и запугивание” общества. При этом феномен “терроризма” ассоциируется у них со “взрывами” и “горем” людей. Когда представители данного типа слышат о совершенных террористических актах, то испытывают “страх”, “беспомощность” (молодежь) и “отчаяние” (зрелый возраст). Встреча с представителями других национальностей вызывает у молодежи “напряженность”, а у людей зрелого возраста – “интерес” по отношению к ним. По мнению представителей данного типа, использование насилия для достижения целей и отстаивания интересов своего народа недопустимо. Считают, что большинство важных событий в жизни является результатом их собственных действий.

*“Адаптивный” тип* (преобладает молодежь и зрелый возраст мужского пола) представляет собой не только принятие произошедших событий, связанных с экстремистско-террористической угрозой, но и активное движение вперед. Данный тип является самым многочисленным. Для его представителей характерны более высокие, по сравнению с другими типами, осмысленность жизни и ожидание положительного отношения от других (доверие к людям). Так, при “адаптации” к новым условиям представители данного типа стараются жить полноценной жизнью в настоящем, учитывая при этом свой прошлый опыт, и ставят перед собой конкретные цели на будущее. Кроме того, у них достаточно высоко развита эмпатия и установка на альтруизм, а также умеренная степень подверженности антидемократической идеологии и агрессивности. Также наблюдается средний уровень (с тенденцией к высокому) переживания террористической угрозы, характеризующийся высокой антиципацией и средней устойчивостью к воздействию информации о экстремистско-террористической угрозе из СМИ. “Терроризм” ассоциируется у них со “страданиями” и “страхом”, а в качестве основного мотива совершения терактов выступает “ужасение и запугивание”. Информация о терактах вызывает у них “страх”, а встреча с представителями других национальностей сопровождается чувствами “удивления” (молодежь) и “интереса” (зрелый возраст). Так же как представители “принимающего” типа, они считают недопустимым использование любых средств для достижения целей и отстаивания интересов своего народа, а также считают, что большинство важных событий в жизни является результатом их собственных действий.

*“Отрицающий” тип* (характерен для молодежи и зрелого возраста, независимо от пола)

переживания характеризуется установкой на то, что “ничего не произошло”, не изменилось. Эмпатия представителей данного типа близка к низкому уровню, т.е. у них недостаточно развита способность к пониманию эмоционального состояния людей. При этом другие социально-психологические характеристики, составляющие данный тип, – осмысленность жизни, где акцент смещен на события настоящего и низкая степень целеполагания, доверие к людям, альтруизм и подверженность антидемократической идеологии, преимущественно имеют среднюю степень выраженности. Также у представителей данного типа достаточно высокая агрессивность, которая в данном случае рассматривается как механизм психологической защиты от переживания кризиса. Таким образом, наблюдается низкая степень переживания террористической угрозы с низкой антиципацией и средней устойчивостью к информации о ней. Многие представители данного типа затруднились назвать мотивы терроризма либо называли “материальные”. Здесь преобладают такие ассоциации с “терроризмом”, как “захват заложников” и “смерть”. “Страх” выступает ведущей эмоцией при получении информации о терактах. Встреча с представителями других национальностей не вызывает у них никаких реакций. При этом они до некоторой степени допускают возможность применения насилия для достижения целей и отстаивания интересов своего народа даже за счет своих собственных интересов. Большинство важных событий своей жизни представители данного типа связывают с везением и удачей.

*“Дискомфортный” тип* (преобладает молодежь и зрелый возраст женского пола) характеризуется самой высокой эмпатией и альтруизмом по сравнению с другими типами. Наблюдается средняя степень выраженности доверия к окружающим, а также низкая осмысленность жизни, низкая агрессивность и подверженность антидемократической идеологии. Но при этом высокое переживание террористической угрозы (что не проявлялось в других типах). Для представителей данного типа характерны низкая устойчивость к воздействию информации о терактах, а также высокий уровень выраженности мыслей о возможности их повторения. “Терроризм” ассоциируется у них со “страхом”, а в качестве основных мотивов совершения терактов выступают “идейные мотивы” (воплощение религиозных идей, фанатизм). Встреча с представителями других национальностей сопровождается чувством “напряженности” (молодежь) и “интереса” (зрелый возраст). Они считают недопустимым использование любых средств для достижения целей и от-

стаивания интересов своего народа, а также считают, что большинство важных событий в жизни является результатом действий других людей.

### ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате проведенного нами исследования были получены схожие данные с эмпирическими исследованиями Ю.В. Быховец, В.В. Знакова, Н.В. Тарабриной, Е.М. Турок. Так, Ю.В. Быховец говорит о том, что переживание террористической угрозы в провинции (Забайкалье), где не было терактов, выше, чем в мегаполисе (Москва), что связано с отсутствием реального опыта переживания данного стресса, а также с низким уровнем жизни региона. Мы, в свою очередь, пришли к выводу, что нет различий в интенсивности переживания террористической угрозы в Пензе и Волгограде, но существуют значимые различия в устойчивости к информации о терактах – в Волгограде показатели ниже, а также выше антиципация (их чаще посещают мысли о предстоящей террористической угрозе). Кроме того, среди жителей Пензы терроризм преимущественно ассоциируется с конкретными действиями (взрыв, захват заложников, жертвы), а у представителей Волгограда преобладают ассоциации на уровне эмоций (страх, страдания, горе).

Мы пришли к выводу, что интенсивность переживания террористической угрозы не зависит от возраста (Ю.В. Быховец), а также что интенсивность переживания террористической угрозы (ПТУ) у женщин выше, чем у мужчин. Данный факт согласуется с результатами как отечественных (В.В. Знаков, Е.М. Турок) [10, 11], так и зарубежных исследований. Так, по данным американских исследователей, симптомы посттравматического стрессового расстройства вследствие переживания угрозы терактов чаще проявляются именно у женщин [29, 32].

Также Н.В. Тарабриной показано, что ПТУ положительно коррелирует с нейротизмом, тревожностью, интровертированностью. Е.М. Турок установлено, что характер понимания и переживания террористической угрозы у людей, проживающих там, где не было терактов, связан с такими личностными характеристиками как уровень макиавеллизма, личностная тревожность, способность контролировать ситуацию [23]. Мы в ходе исследования дополнили социально-психологические характеристики, детерминирующие переживание террористической угрозы. Кроме того, нами конкретизировано научное представление об “экстремистско-террористической угрозе”. Установлено, что переживание личностью экстремистско-тер-

рористической угрозы обусловлено степенью выраженности эмпатии, ожидания положительного отношения к себе, осмысленностью жизни, альтруизмом, агрессивностью, интенсивностью переживания террористической угрозы и подверженностью антидемократической идеологии. Полученные данные мы представили в виде типов переживания экстремистско-террористической угрозы, под которыми понимается комплекс социально-психологических характеристик, взаимосвязанных между собой и проявляющихся у молодежи и лиц зрелого возраста, проживающих в разных регионах.

Также нами получены схожие данные с результатами исследований В.В. Знакова, Е.М. Турок, где показано, что наиболее распространенными представлениями о террористической угрозе являются представления о террористах, как о необразованных, психически неуравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит, а также подчеркиваются мотивы материальной выгоды [11, 23].

Таким образом, новизна нашего исследования заключается во введении нового конструкта – “переживание экстремистско-террористической угрозы”, в описании социально-психологических характеристик, детерминирующих это переживание и представленных в виде типов переживания экстремистско-террористической угрозы.

Следует подчеркнуть, что на основе выделенной и описанной нами типологии может быть разработана коррекционная программа по профилактике страха террористической угрозы и экстремистского поведения среди молодежи через снижение уровня тревожности, управление агрессией, развитие эмпатии, уверенности в себе, овладение навыками конструктивного взаимодействия (оценка проблемной ситуации и принятия решения, ведение переговоров).

### ВЫВОДЫ

1. Установлено, что существуют значимые различия по степени выраженности социально-психологических характеристик в зависимости от возраста и региона проживания: у молодежи Пензы в большей степени, чем у молодежи Волгограда выражены негативизм, агрессивность, подверженность антидемократической идеологии и эгоизм; у молодежи Волгограда выше осмысленность жизни, в частности в постановке целей на будущее, в удовлетворенности самореализацией и уверенности в том, что все события жизни являются результатом собственных действий; у них больше развита эмпатия, альтруизм, ожидание



положительного отношения от других, выше антиципация и ниже устойчивость к информации об экстремистско-террористической угрозе. У людей зрелого возраста, проживающих в Волгограде, по сравнению с Пензой выше показатели по эмпатии и альтруизму, а также выше антиципация, но при этом ниже устойчивость к воздействию информации о терактах и в меньшей степени выражена подверженность антидемократической идеологии.

2. Описана специфика переживания личностью экстремистско-террористической угрозы в разных регионах: на фоне отсутствия различий между региональными группами по общему показателю переживания террористической угрозы (по выборке преобладает высокий уровень переживания) были выявлены значимые различия в устойчивости к информации о терактах – в Волгограде показатель ниже, но при этом выше антиципация (их чаще посещают мысли о предстоящей террористической угрозе). Кроме того, у жителей Пензы терроризм преимущественно ассоциируется с конкретными действиями, а у представителей Волгограда преобладают ассоциации на уровне эмоций. В Волгограде основными мотивами совершения терактов считают идейные мотивы (воплощение религиозных идей, фанатизм) и мотив утраты, в Пензе – называют материальные мотивы, самореализацию, а также утрату.

3. Описаны содержательные характеристики типов переживания экстремистско-террористической угрозы – “деструктивный”, “принимающий”, “адаптивный”, “отрицающий” и “дискомфортный”, описываемые через различную степень выраженности эмпатии, ожидания положительного отношения от других, осмысленности жизни, альтруизма, агрессивности, переживания террористической угрозы и подверженности антидемократической идеологии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батуева Е.Б. Особенности отношения студентов к терроризму / Е.Б. Батуева // Вестник Бурятского государственного университета, 2011. № 5. С. 96–101.
2. Беликова Е.О. Некоторые аспекты межкультурного диалога в Волгоградской области / Е.О. Беликова // Межкультурный диалог в современном российском регионе: историческая ретроспектива и проблема построения. Волгоград / сост. А.Г. Нестерова; Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2013. С. 97–106.
3. Бузыкина Ю.С. Психологические аспекты отношения к проявлениям экстремизма у студентов вузов и учащихся школ / Ю.С. Бузыкина // Пензенский психологический вестник. 2014. № 1(2). С. 19–37.
4. Бузыкина Ю.С. К вопросу детерминации отношения к проявлениям экстремизма / Ю.С. Бузыкина, В.В. Константинов // Перспективы науки. 2013. № 4(43). С. 14–16.
5. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство / Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабрина. – М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
6. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
7. Ениколопов С.Н. Психологические последствия терроризма / С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 71–80.
8. Знаков В.В. Когнитивное и аффективное бессознательное в понимании моральных дилемм / В.В. Знаков. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 77–90.
9. Знаков В.В. Понимание и переживание москвичами террористической угрозы / В.В. Знаков // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 64–74.
10. Знаков В.В. Понимание и переживание террористической угрозы / В.В. Знаков, Е.М. Турок // Вестник московского университета. 2010. № 1. С. 58–69.
11. Знаков В.В. Понимание террористической угрозы жителями российских городов / В.В. Знаков // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, Ч. II / Отв. ред. А.В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2011. С. 115–118.
12. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.
13. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
14. Меграбян А., Эпштейн Н. Шкала эмоционального отклика. [Электронный ресурс]. <http://www.vashpsixolog.ru/psychodiagnostic-school-psychologist/69-diagnosis-emotional-and-the-personal-sphere/564-diagnosis-of-empathy>. (Дата обращения: 24.01.2014).
15. Мкртычян А.А. Психологические характеристики формирования отношения к терроризму / А.А. Мкртычян. [Электронный ресурс]. <http://portalus.ru>. (Дата обращения: 23.03.2015).
16. Ольшанский Д.В. Психология террора / Д.В. Ольшанский. Екатеринбург; М.: Академический Проект, ОПП, 2002. 320 с.

17. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. 172 с.
18. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара: Издательский Дом "БАХРАХ-М", 2001. С. 174.
19. Соснин В.А. Психология, геополитика и терроризм: тенденции развития современной межнациональной и межконфессиональной ситуации в России / В.А. Соснин. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство "Институт психологии РАН", 2012. С. 227–254.
20. Соснин В.А. Психология современного терроризма: учебное пособие / В.А. Соснин. М.: ФОРУМ, 2010. 160 с.
21. Столин В.В., Пантелеев С.Р. Опросник самоотношения личности. [Электронный ресурс]. <http://testplayer.org/Player/Passport.aspx?TestId=1173>. (Дата обращения: 24.01.2014).
22. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. Специфика психологического благополучия в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы // Психологические исследования. 2012. № 2(22). [Электронный ресурс]. – <http://psystudy.ru>. (Дата обращения: 23.03.2015).
23. Турок Е.М. Возрастные и половые различия в понимании и переживании террористической угрозы военными и гражданскими людьми: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2011.
24. Хухлаев О.Е. Психология национализма в зарубежных исследованиях / О.Е. Хухлаев // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 15–29.
25. Человек и общество. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. Вып. 28: Молодежный экстремизм / А. А. Козлов, В. Н. Томалинцев, Т. Э. Петрова и др.; под ред. А. А. Козлова. 1996. 140 с.
26. Шамяинов Р.М. Психология субъективного благополучия личности / Р.М. Шамяинов. Саратов, 2004. 180 с.
27. Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка / А.В. Юревич, М.А. Юревич. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство "Институт психологии РАН", 2012. С. 21–41.
28. Canetti-Nisim D., Halperin E., Sharvit K., Hobfoll S.E. A New Stress-Based Model of Political Extremism: Personal Exposure to Terrorism, Psychological Distress, and Exclusionist Political Attitudes // Journal of Conflict Resolution, June 2009; Vol. 53, 3. P. 363–389.
29. Delisi L.E., Maurizio A., Yost M., Papparozi C.F., Fulchino C. A survey of New Yorkers after the Sept. 11, 2001 terrorists attacks // American Journal of Psychiatry. 2003. P. 780–783.
30. Hogg M.A. From Uncertainty to Extremism: Social Categorization and Identity Processes // Current Directions in Psychological Science, October 2014. Vol. 23, 5. P. 338–342.
31. Hudson Rex A. The sociology and psychology of terrorism: who becomes a terrorist and why. Library of Congress. – Washington, D. C., 1999. 178 p.
32. McCauley C. Psychological issues in understanding terrorism and response to terrorism / C. McCauley // University of Pennsylvania. 2001. P. 2–40.

## EXPERIENCING OF EXTREMIST-TERRORIST THREAT AND PERSON'S SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS

V. V. Konstantinov\*, Yu. S. Buzykina\*\*

\* *PhD, associate professor, head of general psychology chair, Penza State University, Penza;*

\*\**post-graduate, the same place*

The problem of correlation between person's experiencing of extremist-terrorist threat and his/her socio-psychological characteristics is examined. Deferent level of manifestation of certain socio-psychological characteristics subject to age and region of habitation is revealed. It has been stated that experiencing of extremist-terrorist threat is conditioned by the level of development of empathy, altruism, expectation of positive attitude to oneself, awareness of life, aggressiveness, experiencing of terrorist threat and liability to anti-democratic ideology.

Based on empiric research ( $N = 260$ ) conducted in Penza and Volgograd region types of extremist-terrorist threat's experiencing are revealed and described: "destructive", "accepting", "adaptive", "denying" and "discomfort" are among them.

*Key words:* empathy, altruism, expectation of positive attitude to oneself, awareness of life, aggressiveness, experiencing of terrorist threat and liability to anti-democratic ideology, terrorist activity in region, types of extremist-terrorist threat experiencing.